

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 73—79.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 73—79.

Научная статья

УДК 811.161.3'38

DOI: 10.46726/И.2022.3.8

ИМПЛИЦИТНАЯ ДИАЛОГИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО АУКТОРИАЛЬНОГО НАРРАТИВА XX ВЕКА

Татьяна Евгеньевна Старостенко

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
г. Минск, Беларусь, tstarascienka@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются основные коммуникативные модели белорусского аукториального нарратива XX века, определяется сходство и различие идиостилей писателей разных временных периодов на основе языковой экспликации субъектных точек зрения. Новизна исследования заключается в расширении понятия диалог на уровне имплицитных контактов не только нарратора и персонажа, но и персонажей, автора и нарратора, автора и читателя. Выделяются инвариантные модели, которые через определенные языковые маркеры расширяют коммуникативный аспект внешне объективного авторского повествования. Характеризуются лингвистические особенности коммуникантов имплицитной диалогизации. Определяется ее влияние на композиционную структуру художественного дискурса в динамическом аспекте благодаря средствам лексического и грамматического уровней. Применение сопоставительно-стилистического метода исследования позволило сравнить идиостили разных прозаиков, выделив общее и частное. В результате анализа удалось установить языковые экспликанты ключевых коммуникативных моделей имплицитного диалога, а также их инвариантов. Рассматриваемые инварианты затрагивают внутреннее развитие одного персонажа от прошлого состояния к современному, а также обращения к читателю, маркированные языковыми средствами публицистического стиля и направленные на внешнюю диалогизацию. Такой подход к изучению художественного текста углубляет понимание основных аспектов коммуникативной стилистики как одного из наиболее перспективных направлений функциональной стилистики.

Ключевые слова: коммуникативная модель, точка зрения, нарратор, автор, персонаж

Для цитирования: Старостенко Т.Е. Имплицитная диалогизация белорусского аукториального нарратива XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 73—79.

© Старостенко Т.Е., 2022

Original article

IMPLICIT DIALOGIZATION OF THE BELARUSIAN AUCTORIAL NARRATIVE OF THE 20th CENTURY

Tatyana E. Starostenko

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus, tstarascienka@gmail.com

Abstract. The article analyzes the main communicative models of the Belarusian auctorial narrative of the 20th century, determines the similarities and differences between the idiostyles of writers from different time periods based on the linguistic explication of subjective points of view. The novelty of the study lies in the expansion of the concept of dialogue at the level of implicit contacts not only between the narrator and the character, but also between the characters, the author and the narrator, the author and the reader. Invariant models are distinguished, which, through certain language markers, expand the communicative aspect of the externally objective author's narration. Linguistic features of communicants of implicit dialogization are characterized. Its influence on the compositional structure of artistic discourse is determined in a dynamic aspect due to the means of lexical and grammatical levels. The use of the comparative-stylistic method of research made it possible to compare the idiostyles of different prose writers, highlighting the general and the particular. As a result of the analysis, it was possible to establish the language explicants of the key communicative models of the implicit dialogue, as well as their invariants. The considered invariants affect the internal development of one character from the past state to the present, as well as appeals to the reader, marked by linguistic means of a journalistic style and aimed at external dialogization. Such an approach to the study of a literary text deepens the understanding of the main aspects of communicative stylistics as one of the most promising areas of functional stylistics.

Keywords: communicative model, point of view, narrator, author, character

For citation: Starostenko T.E. Implicit dialogization of the Belarusian auctorial narrative of the 20th century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 73—79.

Интерес к аукториальному нарративу связан с оригинальностью текстовой структуры, в которой на основе внешне объективного авторского повествования возможно выделить точки зрения разных субъектов. В результате такого выделения возникает динамика аукториального нарратива, когда взаимодействуют разные субъектные перспективы, способные к приближению или, наоборот, отдалению от повествователя. Благодаря особому эффекту сопоставления и противопоставления читатель также проникает в художественные события, становясь их соучастником, что способствует актуализации внешнего диалога.

Взаимодействие разных субъектов аукториального нарратива создает текстовую интерференцию, в которой, как считает В. Шмид, «совмещаются две функции — передача текста персонажа и собственно повествование (которое осуществляется в тексте нарратора)» [Шмид: 191]. Возникает имплицитная диалогизация, причем реальная диалогическая конструкция не играет роли, а доминирующую позицию занимают коммуникативные модели (КМ) «нарратор — персонаж», «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор». Именно такие модели, на наш взгляд, разворачивают

композиционную структуру художественного дискурса в динамическом аспекте и имеют своеобразную языковую экспликацию, в которой задействованы средства как лексического, так и грамматического уровней. Необходимо отметить, что взаимодействие нарратора и персонажа аукториального повествования достаточно полно рассмотрено в научных исследованиях [Бахтин; Винокур; Одинцов; Падучева; Плеханова; Попова Е.; Попова З.; Скорик; Фотина; Шмид], в отличие от моделей «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор». Тем не менее, эти модели также активно участвуют в многообразии динамического пространства художественного текста. Цель данной статьи — определить разнообразие экспликантов коммуникативной парадигмы белорусского аукториального дискурса разных временных периодов XX века. Нами были проанализированы произведения Кузьмы Чорного, Михася Зарецкого, Максима Горьцкого (начало XX века), Василя Быкова, Янки Брыля, Елены Василевич (середина XX века), Ивана Шамякина, Генриха Далидовича и Вячеслава Адамчика (конец XX века).

Взаимодействие субъектов КМ «нарратор — персонаж» в белорусском аукториальном нарративе происходит через несобственно-прямую речь, косвенную речь, цитаты, вставные конструкции, неопределенные местоимения как вторичные эгоцентрики, персонажные модусы восприятия, рассуждения, воспоминания. В дискурсе XX века оппозиция *нарратор / персонаж* несобственно-прямой речи актуализируется по признаку экспрессивного синтаксического построения, в косвенной речи придаточная часть состояния персонажа имеет авторскую обработку, а персонализация вербализуется дейктиком 1-го лица (Кузьма Чорны) и цитацией (Кузьма Чорный, Г. Далидович). Персонажная цитата связывается с речью одного персонажа или инклюзивного субъекта и отличительно проявляется в идиостиле Я. Брыля (через варваризмы и вхождение в парентетические вставки). Такие вставки репрезентируют точку зрения персонажа и через оценочность (у всех писателей). Кванторные местоимения приобретают дальнейшую номинацию через приём представления в идиостиле М. Горьцкого, В. Быкова, Я. Брыля, Г. Далидовича, причем у Я. Брыля присоединяется ещё и монтажный приём, у Г. Далидовича — приём остранения.

Среди персонажных модусов в дискурсе начала XX века доминирует модус восприятия, в дискурсах других временных периодов — модус восприятия (В. Быков, И. Шамякин), воспоминания (Я. Брыль, В. Адамчик), восприятия, рассуждения, воспоминания (Е. Василевич, Г. Далидович).

В основе КМ «персонаж — персонаж» аукториального нарратива нами выделена субъективная модальность, которая содействует как сопоставлению, так и противопоставлению субъектных точек зрения через оценочные формы, тропеические средства, контаминацию темпоральных единиц, модусные глаголы, личные конструкции с пассивизацией субъекта-личности и безличные предложения. Только сопоставление субъектных перспектив выявлено в прозе И. Шамякина и В. Адамчика, противопоставление — у М. Горьцкого, контаминация этих приёмов характерна для дискурсов М. Зарецкого, Кузьмы Чорного, В. Быкова, Е. Василевич, Г. Далидовича.

Нами выделен инвариант этой модели: «персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)» с экспликацией изменения духовного состояния одного субъекта. Таким образом происходит имплицитный диалог между разными жизненными позициями одного «я». Оппозиционная диалогизация между дистантно размещёнными фрагментами контрастных точек зрения реализует направление духовного роста героя Кузьмы Чорного, у Я. Брыля модус персонажа

с противоположными точками зрения вербализируется в одном фрагменте, у И. Шамякина и В. Быкова — между макропропозициями. Покажем реализацию инварианта «персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)» на примере произведения К. Чорного. В его рассказе «Радасць жанчыны» тематическая линия точки зрения Анны с семьей горя представлена тремя макропропозициями:

1) Трыццаць пяць год пражыла Ганна, усякі дзень жыцця быў доўгі, як год, а гады прайшлі неўзаметку. І ніяк не прыходзіла тое светлае, на што было ў Ганны так многа надзей. І з цягам часу, з кожным годам усё больш і больш гінулі гэтыя надзеі. Цяпер яны з'яўляліся ўжо рэдка калі, прыносілі яны з сабой на момант радасць, а пасля так жа раптоўна гінулі і пакідалі пасля сябе надоўга тупое нездаваленне і смутак [Чорный: 50]; 2) Было ў яе горка на душы, слёзы здаўлівалі ёй горла. Жыццё здавалася непатрэбным, цяжкім, і не хацелася жыць. Хацелася зрабіцца нічым, не адчуваць нічога, не бачыць гэтага жыцця [Чорный: 52]; 3) Гэтыя думкі былі цяжкія і несправетныя для яе, цёмнай вясковай жанчыны, якая нічога ніколі не бачыла, апрача вось гэтага дзікага поля ды гнілых саламяных стрэх, нічога не чула, апрача папрокаў ды мужычай лаянкі [Чорный: 53].

В подстрочном переводе: 1) Тридцать пять лет прожила Анна, каждый день жизни был длинный, как год, а годы прошли незаметно. И никак не приходило то светлое, на что было у Анны так много надежд. И со временем, с каждым годом все больше и больше умирали эти надежды. Теперь они появлялись редко когда, принесли они с собой на мгновение радость, а потом так же внезапно умирали и оставляли после себя надолго тупую неудовлетворенность и печаль; 2) Было у нее горько на душе, слезы сдавливали ей горло. Жизнь казалась ненужной, тяжелой, и не хотелось жить. Хотелось сделатья ничем, не чувствовать ничего, не видеть этой жизни; 3) Эти мысли были тяжелые и беспросветные для нее, темной деревенской женщины, которая ничего никогда не видела, кроме вот этого дикого поля да гнилых соломенных крыш, ничего не слышала, кроме упреков да мужской ругани.

Ядерная структура 1-й макропропозиции — двусоставное предложение *все больше и больше умирали эти надежды* — создает впечатление экспрессии печали, которая продолжается в ядерных структурах 2-й макропропозиции (безличной конструкции *было у нее горько на душе* с предикативом внутреннего состояния) и 3-й (двусоставном предложении *эти мысли были тяжелые и беспросветные для нее* с вербализацией безвыходности в именных предикатах). Макропропозиции налаживают результативные отношения и связаны семантически, создавая эмоционально-ситуативное поле несчастной женской судьбы. Ключевое слово *радость* — основной сигнал глобальной ситуации рассказа Кузьмы Чорного — вынесено в заглавие как сильную позицию. Узуальная семантика лексемы содержит определенные намёки на соответствующий позитивно-оценочный тип ситуации произведения, которая разворачивается после экспликации первой тематической линии Анны с семьей горя. Возникают отношения пересечения (контрарные — между заглавием и первоначальной точкой зрения Анны, синонимические — между заглавием и второй точкой зрения).

Тематическая линия точки зрения Анны с семьей счастья репрезентируется тремя макропропозициями с восходящей смысловой и эмоционально-экспрессивной градацией, которая отражает постепенное изменение внутреннего состояния:

1) І раптам стала шкада Ганне ўсіх гэтых людзей. Прапала свая ўласная крыўда, зусім прапала, без следу. І брат Аляксей, які пабіў нядаўна яе, стаў родным і блізкім. Стала невыразна шкада яго, хворага і ад гэтага сярдзітага чалавека; хворага ад вечнай цяжкай працы, хворага ад жыцця, якое ад дзядоў і прадзедаў цягнецца для чалавека вось тут, у гэтых шэрых палях, не як радасць, а як смутак [Чорный: 53].

В подстрочном переводе: 1) И вдруг стало жаль Анне всех этих людей. Пропала своя собственная обида, совсем пропала, без следа. И брат Алексей, который побил недавно ее, стал родным и близким. Стало очень жаль его, больного и от этого сердитого человека; больного от вечного тяжелого труда, больного от жизни, которая от дедов и прадедов тянется для человека вот тут, в этих серых полях, не как радость, а как печаль.

Ядро вербализирует переключение внимания на внешний мир через безличную конструкцию с предикативом сочувствия (*И вдруг стало жаль Анне всех этих людей*), которое трансформируется в светлое чувство со значением неопределенности во второй макропропозиции:

2) І тады закаласілася ў Ганны нешта вялікае і радаснае. Нешта расчысціла Ганны думкі, і стала фармавацца ў іх веда, што рабіць... Аж павесялела Ганна [Чорны: 56].

В подстрочном переводе: 2) И тогда заколосилось у Анны что-то большое и радостное. Что-то расчистило Аннины мысли, и стало формироваться в них знание, что делать... Даже повеселела Анна.

Синтаксический субъект ядерной структуры, выраженный составным подлежащим (*И тогда заколосилось у Анны что-то большое и радостное*), вносит в неопределенность значение мелиоративности через субстантивацию экспрессивно окрашенных прилагательных. Это значение углубляется в именных предикатах ядерной структуры 3-й макропропозиции, которые «снимают» неопределенность и придают возрожденному состоянию деревенской женщины положительную экспрессивно-эмоционально-оценочную коннотацию:

Было ўжо цёмна на полі, як Ганна падыходзіла к вёсцы. Быў цяжкі туман над старой вёскай, ды лёгкімі і новымі былі думкі ў жанчыны [Чорны: 56].

В подстрочном переводе: было уже темно на поле, как Анна подходила к деревне. Был тяжелый туман над старой деревней, да *лёгкими и новыми были мысли у женщины*.

Реализация модели «автор — персонаж» происходит через субъективацию ауториального повествования в сторону точки зрения героя. Особенности имплицитного диалога КМ «автор — персонаж» заключается в тенденции к редукции авторской сентенции. Авторские отступления представляют собой композиционные сегменты, актуализирующие текстовую дистаксию. При дистантном размещении авторские отступления способствуют ретардации сюжетного повествования как авторского стремления к самовыражению в собственных оценках и выводах относительно происходящего. Если в произведениях М. Горьцкого и М. Зарецкого авторская сентенция структурирована фрагментом, то у Е. Василевич сужается до макропропозиции, а у Г. Далидовича, И. Шамякина, В. Адамчика — до уровня одного-двух предложений. По сравнению с другими временными периодами, в дискурсе конца XX века наблюдается экспликационное расширение модели к выходу на диалогизацию с читателем через дейктики *ты*, *мы* и глаголы 2-го лица. Дейктик *ты* репрезентирует открытое обращение к адресату, *мы* — включенность в авторскую сентенцию читателя, способного находиться в сотворчестве с писателем и его жизненной позицией.

Для модели «автор — нарратор» характерна включенность в нарраторское повествование авторского отступления. Тенденция к редукции авторского отступления сохраняется и в КМ «автор — нарратор»: от фрагмента и макропропозиции в дискурсе начала XX века, фрагмента у Е. Василевич (середина XX века) до одного-двух предложений в дискурсе конца XX века. Это обусловлено

уменьшением воздействия автора и его сентенции на читательское декодирование произведения. Схожесть разных дискурсов заключается в инвариантных моделях КМ «автор — нарратор»: «нарратор — читатель» (М. Горьцкий), «автор — читатель» (Е. Василевич, В. Адамчик, И. Шамякин).

Особенность инвариантной модели «нарратор — читатель» проявляется в повести М. Горьцкого «Цихая плынь» при монтажном приеме субъективации: от общего (деревня), до среднего (бедная хатка) и крупного (несчастный ребенок) с подключением обращения к читателю. Форма такого обращения эксплицируется через дейктик-адресат *вы*, а также маркированные публицистическим стилем глаголы повелительного наклонения, направленные на внешнюю диалогизацию инвариантной модели, коммуникативная сущность которой характерна, в первую очередь, для публицистики.

Для инвариантной модели «автор — читатель» Е. Василевич характерна прагматико-коммуникативная направленность к читателю в авторском сегменте, в результате чего стиль авторского отступления выразительно коррелируется с публицистическим. Коннекторный ряд адресата-читателя, сформированный местоимениями *твой*, *тебе*, дополняется глагольными формами 2-го лица *выйдешь*, *почувствуешь*, *посмотришь* с контекстуальной семантикой настоящего постоянного. Это позволяет приблизить авторскую сентенцию к читателю в эмоциональном плане через актуализацию эффекта сопереживания. Обобщенно-личные предложения в авторской части приобретают субъективное обобщение, поскольку действие направляется к любому адресату, связанному с автором общими чувствами и переживаниями. Рациональность авторского отступления приобретает у В. Адамчика прагматико-коммуникативную направленность к читателю через дейктик *мы*, модальные слова проблематической (*наверное*) и категорической (*действительно*) вероятности, что содействует эффекту сотворчества. Авторская сентенция И. Шамякина, не имеющая, в отличие от В. Адамчика, модальных слов, развертывается в логическом плане и налаживает внешнюю диалогизацию с читателем через местоимение *ты* и глагольную форму 2-го лица.

Выделение КМ «нарратор — персонаж», «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор» в белорусском аукториальном нарративе XX века позволило установить расширенный характер диалогических отношений прежде всего на уровне имплицитности. Если эксплицированный диалог ориентирован на реплики персонажей, то имплицитный реализует контакт между многими субъектами прозаического текста. Языковой анализ такого контакта и субъектных точек зрения способствует также и пониманию специфики идиостиля.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
(Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity, Moscow, 1986, 445 p. — In Russ.)
- Винокур Т.Г. Первое лицо в драме и прозе М. Булгакова // Очерки по стилистике художественной речи / отв. ред. А.Н. Кожин. М.: Наука, 1979. — С. 50—65.
(Vinokur T.G. The first person in the drama and prose of M. Bulgakov, *Essays on the style of artistic speech*, Moscow, 1979, pp. 50—65. — In Russ.)
- Одинцов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1973. 104 с.
(Odintsov V.V. On the language of artistic prose, Moscow, 1973, 104 p. — In Russ.)

- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
(Paducheva E.V. Semantic studies (Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative), Moscow, 1996, 464 p. — In Russ.)
- Плеханова Т.Ф. Текст как диалог. Минск: МГЛУ, 2003. 251 с.
(Plekhanova T.F. Text as dialogue, Minsk, 2003, 251 p. — In Russ.)
- Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы: в 2 частях. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. Ч. 2. 283 с.
(Popova E.A. Communicative aspects of the traditional narrative of Russian classical literature: in 2 parts, pt. 2, Lipetsk, 2007, 283 p. — In Russ.)
- Попова З.А. Поэтика прозы Л. Добычина. Нарратологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 34 с.
(Popova Z.A. Poetics of prose by L. Dobychin. Narratological aspect: abstract of the dissertation ... of the Candidate of philological sciences, St. Petersburg, 2005, 34 p. — In Russ.)
- Скорик К.В. Диалогизация художественного текста: типы и способы ее актуализации в англоязычной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 19 с.
(Skorik K.V. Dialogueization of a literary text: types and methods of its actualization in English-language prose: abstract of the dissertation ... of the Candidate of philological sciences, St. Petersburg, 2010, 19 p. — In Russ.)
- Фотина Н.Э. Функционирование категории диалогичности в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 24 с.
(Fotina N.E. The functioning of the category of dialogue in the prose of A.P. Chekhov, abstract of the dissertation ... of the Candidate of philological sciences, Volgograd, 2017, 24 p. — In Russ.)
- Чорны К. Вераснёвыя ночы: Апавяданні, раман. Мінск: Маст. літ., 2003. 429 с.
(Chorny K. September Nights: Short stories, the novel, Minsk, 2003, 429 p. — In Belarus.)
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
(Schmid W. Narratology, Moscow, 2008, 304 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Старостенко Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь, tstarascienka@gmail.com

Starostenko Tatyana Evgenievna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus. tstarascienka@gmail.com